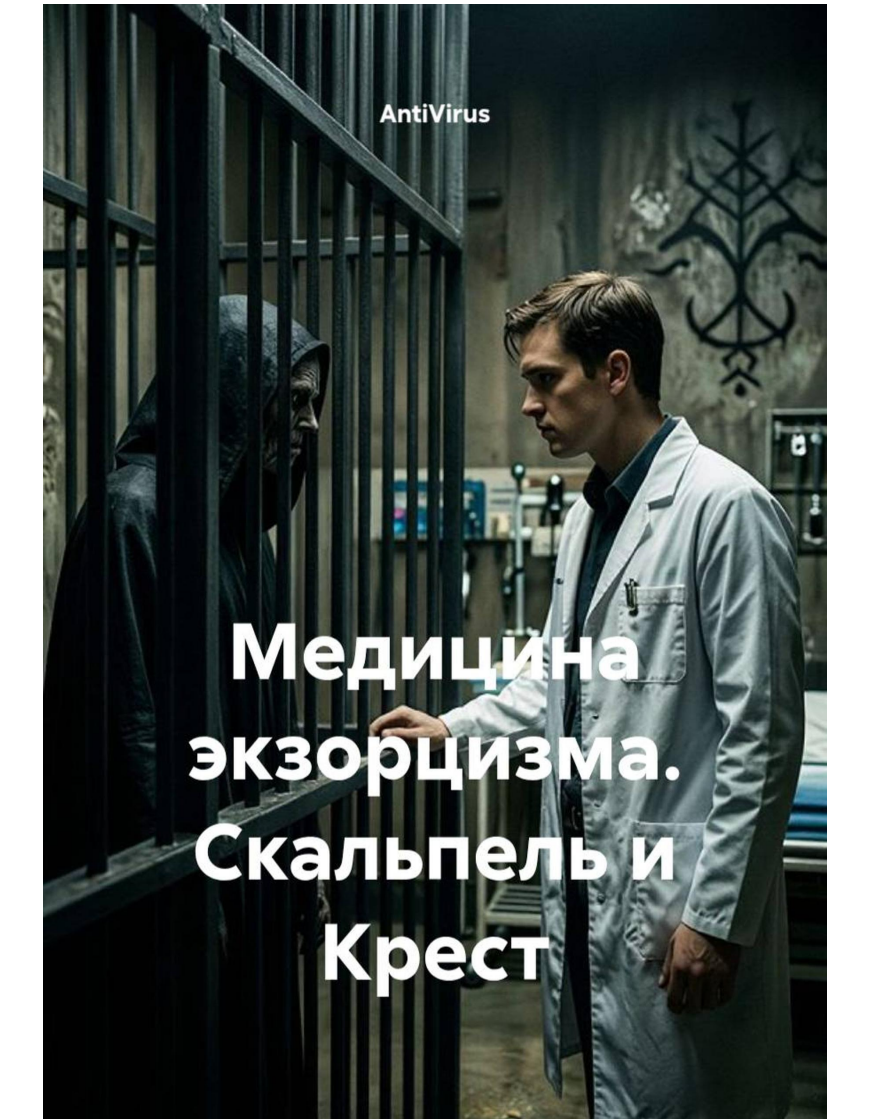

A man in a white lab coat stands in a laboratory, looking intently at a figure in a dark hooded robe who is behind vertical metal bars. The background features a wall with a large, dark, stylized symbol resembling a caduceus or a religious icon. The scene is dimly lit, creating a somber and mysterious atmosphere.

AntiVirus

**Медицина
экзорцизма.
Скальпель и
Крест**

AntiVirus AntiVirus

Медицина экзорцизма.

Скальпель и Крест

<https://litres.ru/74618887>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто на самом деле монстр — тот, кто пугает, или тот, кто боится?

Что сильнее — наука или вера?

Если ты спасёшь монстра, останешься ли ты человеком?

Можно ли доверять правилам, если жизнь идёт не по ним?

«Медицина экзорцизма. Скальпель и Крест» — книга о молодом враче и таинственной сущности, запертых в одной больнице.

Одной нужна помощь. Другой боится её — и всегда прячется.

Но что, если сущность — не монстр?

А врач — не врач, а человек, который устал прятаться?

AntiVirus

Медицина экзорцизма.

Скальпель и Крест

Медицина экзорцизма.
Скальпель и Крест.
AntiVirus

Глава 1. Первая ночь

Клиника «Соманг» стояла на отшибе уезда Канвондо, у самого подножия гор. Двухэтажное здание из серого кирпича, с черепичной крышей и красным неоновым крестом над входом. Крест мигал всю ночь — то ли от старости, то ли от ветра, который здесь никогда не стихал. Мне сказали, что раньше здесь был военный госпиталь. Потом — туберкулёзный диспансер. Теперь — частная клиника на десять коек, где кроме меня, интерна-хирурга, ночью никого не остаётся.

Меня зовут Ким До Хён. Мне двадцать семь. Я заканчиваю ординатуру по хирургии и мечтаю о Сеуле, о большой больнице, о нормальной практике. Но пока — Канвондо. Неделя ночных смен. Один. Главврач уехал на конференцию, медсёстры уходят в шесть, санитарка госпожа О — в

семь. Мне выдали связку ключей, старый пейджер и телефон с одним контактом: «Звонить только в крайнем случае».

Я приехал в понедельник, в пять вечера. Госпожа О, женщина лет шестидесяти с морщинистым лицом и руками, похожими на сушёные корни женьшеня, провела меня по этажам. Операционная — маленькая, но чистая. Палаты — три, все пустые. Ординаторская — стол, кресло, кушетка, шкаф с пожелтевшими справочниками. На стене — часы с маятником. Они тикали громко, размеренно, как метроном.

—

Ты здесь один. На неделю, — сказала она.

Я кивнул. Она посмотрела на меня долгим взглядом, потом добавила:

—

Если увидишь что-то странное — не звони. Просто делай, как в книге.

—

В какой книге? — спросил я.

Она не ответила. Просто вышла, шаркая тапками, и заперла за собой дверь. Я остался один. В холле гудел авто-

мат с кофе, пахло хлоркой и старым деревом. Я разложил вещи, проверил инструменты, налил себе кофе. Бурда отдавала пластиком, но я выпил. Мне было двадцать семь, я был хирургом, и я не верил в духов.

Первая ночь началась спокойно.

В 23:40 пришёл первый пациент. Мужчина, лет сорока, в куртке и с окровавленным полотенцем на руке. Поскользнулся на кухне, разбил стекло. Рана глубокая, но не смертельная. Я усадил его на кушетку, обработал, наложил швы. Руки не дрожали. Я чувствовал себя уверенно.

—

Вы здесь один? — спросил он.

—

Да. На неделю.

—

Не боитесь?

Я усмехнулся.

—

Привидения, что ли?

Он не засмеялся. Посмотрел на окно, за которым мигал красный крест, и тихо сказал:

—

Просто спросил.

Он ушёл в 00:15. Я записал в журнал: «Пациент номер один. Резаная рана предплечья. Наложены швы».

В 01:20 — второй. Женщина, лет тридцати, с отёком Квинке. Аллергия на морепродукты. Я сделал укол адреналина, она задышала ровнее. Ушла, кланяясь. Записал: «Пациент номер два. Отёк Квинке. Купировано».

В 02:05 — третий. Пожилой мужчина, гипертонический криз. Давление двести на сто десять. Я дал каптоприл под язык, поставил капельницу с магнезией. Он лежал и бормотал про войну, про сына, который не вернулся. Я не вслушивался. Когда давление упало, я отпустил его. Записал: «Пациент номер три. Гипертонический криз. Стабилизирован».

В 03:15 — четвёртый. Парень, лет двадцати, с рассечённой бровью. Драка в клубе. Три шва. Он пытался шутить, но руки дрожали. Я дал ему лёд и отправил домой. Записал: «Пациент номер четыре. Ушибленная рана брови. Наложены швы».

НЫ ШВЫ».

В 04:40 — пятый. Девочка, лет двенадцати, в мокрой куртке. Одна. Сказала, что мама в машине, у неё болит живот. Я вышел, помог женщине дойти до клиники. Подозрение на аппендицит. Я не мог оперировать один. Дал обезболивающее, приложил грелку, сказал ждать до утра. Девочка сидела в коридоре, пила чай из автомата. Спросила:

—

Дядя доктор, вы здесь один?

—

Да.

—

Не боитесь?

—

Нет. Я же врач.

Она кивнула и отвернулась. Я пошёл в ординаторскую. Небо светлело. Серый рассвет пробивался сквозь тучи. Я выдохнул. Пять пациентов. Все живы. Я справился.

Я закрыл глаза на секунду. И не увидел, как в коридоре,

у палаты, где спала женщина, на мгновение появилась тень. Слишком длинная. Слишком тонкая. Она постояла, наклонилась к двери, словно пригнувшись, и исчезла.

Я не увидел. Я спал.

Утром пришла госпожа О. Посмотрела на журнал, на спящую женщину с ребёнком, на меня — уставшего, но довольного.

—

Первая ночь — самая лёгкая. Дальше будет интереснее.

Я не придавал значения. Я допил холодный чай и пошёл спать.

Впереди была вторая ночь.

Глава 2. Вторая ночь

Вторая смена началась спокойно. Даже слишком.

До 22:00 я лежал на кушетке в ординаторской и смотрел фильм на рабочем компьютере. Экран мерцал, динамики хрипели, но мне было плевать. В здании не было никого — только я, старый фильм и запахи больницы. Хлорка, спирт, застоявшийся воздух. Тишина стояла такая, что слышно бы-

ло, как гудит лампочка в коридоре.

—

Ладно, — сказал я вслух, потягиваясь. — Пойду кофе себе сделаю, что ли.

Слова повисли в пустоте. Я поднялся, прошёл в холл, нажал кнопку на автомате. Тот зашипел, задрожал и выдал тонкую струйку коричневой жижи. Я смотрел, как она наполняет стакан, и в этот момент услышал глухой звук на втором этаже. Будто что-то упало. Тяжёлое. Мягкое. Как мешок с тряпьем.

Я не придал значения. Мало ли — ветер, старое здание, крыша.

Сел обратно за компьютер. Фильм шёл, но я уже не вникал. И тут снова — стук. Отчётливый. Со второго этажа.

—

Так. Надо проверить.

Я взял фонарик, поднялся по лестнице. Скрип половиц под ногами казался оглушительным. Обошёл все четыре открытые палаты. Пусто. Кровати застелены, окна закрыты, капельницы висят неподвижно. Я уже развернулся, чтобы уй-

ти, как вдруг — стук. Прямо за спиной. Так близко, что я почувствовал его затылком.

Мурашки пробежали по телу мгновенно, будто кто-то провёл ледяным пальцем вдоль позвоночника. Я обернулся медленно. Тихо.

Тень. Не человеческая. Слишком длинная. Слишком тонкая. Она не повторяла изгибы стены — она была отдельно. Жила своей жизнью. И у неё были глаза. Две белые точки, которые смотрели прямо на меня.

«Твою ж...» — только и успел подумать я.

Тень отделилась от стены и потянулась ко мне. Медленно, как чернильная капля по бумаге.

—

Доктор... Доктор, проснитесь...

Я открыл глаза. Надо мной стояла женщина. Держалась за руку, лицо бледное, губы дрожат.

—

Да... Я, видимо, уснул, — пробормотал я, потирая лицо ладонями. Кожа горела. Во рту пересохло.

—

Я уж заметила. Вы можете мне помочь? — Она показала руку. Глубокая рана, кровь сочилась сквозь пальцы, кожа разодрана.

—

Да, конечно. Пройдёмте.

Мы поднялись на второй этаж, зашли в операционную. Свет загорелся с щелчком, залил комнату холодным белым. Я усадил её, обработал руки, вскрыл упаковку со шовным материалом. Всё как обычно. Резала, соскользнула, зашила. Анестезия подействовала быстро, женщина расслабилась, даже улыбнулась.

—

Спасибо, доктор.

—

Обращайтесь.

Она ушла. Я взглянул на часы — около 01:00. Записал в журнал: «Пациент номер один. Резаная рана кисти. Наложены швы».

Просидел ещё полчаса. Кофе остыл, фильм закончился. Я уже думал, что ночь на этом и закончится, как вдруг — глухой удар. Снова.

—

Да ну... Может, показалось?

И снова. Отчётливо. Со второго этажа.

Я поднялся. Обошёл все комнаты. Пусто. Тихо. Только ветер шумит в вентиляции. Спустился обратно.

Внизу меня ждал пациент.

—

Доктор, помогите мне, — проговорил парень тихим, хриплым голосом.

Из-под футболки сочилась кровь. Тёмная, густая. Я быстро усадил его, снял одежду и замер. Бок живота был исполован — глубокие раны, одна длиннее другой, будто кто-то пытался вспороть его, но остановился на полпути. Багровая кровь текла непрерывно.

Я не помню, как это произошло. Руки двигались сами. Анестезия, обработка, швы. Сорок минут пролетели как од-

на. Когда я закончил, парень лежал под наркозом, дыхание ровное, повязка чистая.

Ё-мое... Завтра отправлю его в город.

Я вытер руки, посмотрел на часы. 03:00. И тут снова — стук. Глухой. На моём этаже.

Так. Ладно. Надо просто отвлечься.

Я скинул это на усталость. На стресс. На недосып. Сделал свежий кофе, включил новый фильм. Старался не думать. Просто смотреть в экран. Просто пить. Просто дышать.

А-А-А-А-А...

Крик из темноты коридора. Голос женский, высокий, обрвался на середине. По коже снова пробежали мурашки, дыхание сбилось. Я посмотрел в сторону.

Две белые точки. Смотрели прямо на меня.

Это лампы аварийного выхода, — сказал я вслух, убеждая себя. — Да. Там же две лампочки. Чтобы не потерять его в темноте.

Крик — блогеры на колонках. Глаза — лампы. Всё логично. Всё объяснимо. Я выдохнул, расслабился, вернулся к фильму.

Прошло пять минут. Боковым зрением я увидел, как лампы моргнули. Один раз. Два.

—

Перебои с электричеством, — прошептал я. — Просто перебои.

Время шло к 04:00. Я уже почти поверил, что ночь закончилась, как дверь открылась. Точнее, не открылась — в неё вполз человек. Пьяный, грязный, воняющий перегаром и потом. Мужчина лет пятидесяти, с разбитым лицом и расчёванной бровью.

—

Доктор... помоги... — прохрипел он.

—

Хорошо. Проходите.

«Грёбаная клятва Гиппократа... — подумал я. — Ну надо помочь. Как бы мне ни хотелось».

Случай оказался обычным. Драка в баре, бутылкой по голове, глубокий порез. Я зашил, обработал, дал обезболивающее. Он ушёл, шатаясь, даже не попрощавшись.

Больше ничего не произошло. Ночь закончилась тихо. Я сидел в ординаторской, смотрел на рассвет за окном и чувствовал, как что-то внутри меня сжалось в тугую комок.

Открыв журнал, я увидел надпись:

«Пациент номер три. Глубокая рана головы, от удара бутылкой».

Это не мой почерк, и я не записывал его... Но кто тогда?..

Глава 3. Третья ночь

Третья ночь началась без энтузиазма. Я уже не ждал спокойной смены. Что-то висело в воздухе — тяжёлое, липкое. Чувство, что это место не хочет, чтобы я здесь был. Или наоборот — хочет, но по своим причинам.

В ординаторской на столе лежала книга. Рядом — записка, написанная от руки. Почерк ровный, старомодный, будто писали пером.

«До Хён. Возьми эту книгу и прочитай правила. В случае чего — используй советы из книги. Не смей делать что-то сам, что не записано в книге».

Я взял книгу. Тяжёлая, в потёртом кожаном переплёте. На обложке — тиснение: «Экзорцизм и выведение демонов из тела». Я хмыкнул. Открыл.

Правила были написаны от руки, на корейском, но с иероглифами. Я читал медленно.

1. Не смотреть в глаза человеку в маске.
2. Не отзываться на крики.
3. Закрывать двери во время операций.
4. Не выходить в коридор в 4:00.
5. В случае странных данных пациента:
 - температура более сорока градусов;
 - сердцебиение бешеное или отсутствует —Немедленно ударить крестом в грудь.

— Очень смешно, — сказал я в пустоту. — Прямо оборотиться можно.

Голос прозвучал глухо. Я закрыл книгу, положил на стол. Вышел в коридор. Запах больницы — лекарства, спирт, ста-

рая мебель — смешался в один тяжёлый букет. Я посмотрел на часы. 22:00.

— Папа...

Голос из-за спины. Тонкий, детский. Я обернулся.

Мальчик. Лет семи. В больничной пижаме, босиком. В руках — медвежонок с оторванным ухом. Он смотрел в пол.

Я присел на корточки.

— Эй... Ты чего? Папу потерял? Что ты вообще тут делаешь?

Он молчал. Секунду. Две. Потом поднял голову. Глаза — пустые, как у рыбы.

— Я... Я... Я не прощу тебе этого.

В руке у него появился нож. Он побежал на меня. Я упал на пол, выставив руки. Но мальчик исчез. Растворился в воздухе, как дым.

Холод. Знакомый. Мурашки по всему телу.

— Что это, мать твою, было? — выдохнул я, пытаюсь унять дрожь.

Я пошёл на стойку регистрации. Надо было сесть. Подумать. Успокоиться. Ноги не слушались, но я шёл.

За стойкой стоял мужчина. А рядом с ним — тот самый мальчик. Теперь он выглядел нормально. Обычный ребёнок. Пижама, медвежонок. Только глаза всё ещё в пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.